

Аристов, Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности / Н. А. Аристов // Живая старина. — 1896. — Год шестой, вып. III-IV. — С. 277-456.

Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности.

[NB: Работа издавалась также в 1897 г. отдельным оттиском с иной нумерацией страниц. Здесь пагинация дана по полному журнальному изданию. Старая орфография не воспроизводится. Постраничная нумерация сносок сохранена в верхнем индексе].

I. Значение народных преданий и родовых имён и тамг в качестве указателей этнического состава тюркских племён и народностей.

Обитающие на огромном пространстве от Охотского моря и Ледовитого океана до Адриатического моря, в числе около 26 миллионов, тюрки говорят на одном языке, делящемся только на наречия, так что средне-азиатский турок может понимать и якута, и тюрка-османа¹. [1] Напротив, физические типы тюркских племён и народностей очень разнообразны, и в наружности юго-западных тюрков весьма мало общего с тюркскими племенами средней Азии, а тем более с восточно-сибирскими. Конечно, изменения в типах рас и народов совершаются, в некоторых пределах, под давлением климатических и других условий природы и под влиянием культуры, а также, вероятно, и вследствие эволюций составляющих каждый данный антропологический тип элементов, но такие изменения, за исключением редких случаев, вообще незначительны или, по крайней мере, требуют очень больших периодов времени. Несравненно более быстры, резки и глубоки те изменения в

народных и племенных типах, которые являются следствием помесей с другими расами и народами. Если не подлежит сомнению, что разнообразные типы тюрков-османов есть результат метисаций прибывших не ранее девяти веков тому назад из средней Азии в Малую Азию и позднее на Балканский полуостров тюрков с местными курдами, греками, славянами и пр., то нельзя не полагать, что и другие тюркские племена получили свои друг от друга антропологические отличия также, главным образом, вследствие метисации с различными народами, а не под влиянием только природных и культурных условий, которые были для них довольно однообразны. Ввиду всего этого, выяснение происхождения тюркских племён и народностей в значительной степени сводится к определению посторонних примесей, скрещивания с которыми давали особые тюркские племена.

Исторические известия о северной и средней Азии начинаются за немногие века до Р.Х. и не отличаются обилием за позднейшие времена. Думали, поэтому, найти выяснения происхождения тюркских племён, особенно древнейших, в народных преданиях.

По самому замечательному и одному из древнейших тюркских народных сказаний, запись которого у китайцев почти одновременна с появлением в истории самого имени тюрков, праотец турков был родом из «владения Со, которое лежало на север от страны хуннов». Один из его потомков Ичжини-нишыду (I-tchi-ni-sse-tou), родившийся от волчицы и одарённый сверхъестественными качествами, имел двух жён: дочь духа неба и дочь духа зимы. От первой у него родилось четыре сына, из которых один превратился в *лебедя*; другой, по имени Ци-гу (Ki-ku), основал государство между реками Афу (A-pou) и Гянь (Kien); третий положил начало царству на берегах реки Чуси (Tchou-tche). Четвёртый, старший сын, по имени Надулуше (No-tou-lou-che), жил в горах Басы-чу-си-ши (Tsien-sse-tchou-tche-chi); в тех же горах обитала орда, происходившая от упомянутого общего тюркского праотца; эта орда сильно страдала от холода, причиняемого

росами; Надулуше научил её добывать огонь, обогрел и пропитал, так что всё́м сохранил жизнь; за это упомянутая орда подчинилась ему, признала старейшиною и наименовала *ту-кю* (tou-kioue)¹. [2] Его потомок Тумынь был первым государем турков (тукю), вошедшим в сношения с Китаем в первой половине VI века.

Приведённое сказание помещено в китайской «Истории северной династии Вэй» (с 386 по 558 г.) и изложено, с некоторыми сокращениями, по переводу Stan. Julien'a², [3] вообще согласному с переводом о. И. Бичурина³, [4] у которого взята русская транскрипция имён. Династийные истории составлялись у китайцев на основании летописей и документов, современных событиям, а потому надо полагать, что внесённая в истории династии Вэй легенда записана между 535-558 гг., вероятно со слов тюркских посланников. Точность записи удостоверяется видимым непониманием со стороны китайцев, некоторых по крайней мере, географических и этнических её подробностей.

Владение Со, лежавшее на севере от страны хуннов т.е. от нынешней Монголии, должно было находиться на северной стороне Алтая, ибо южные его склоны входили в состав земель хуннов. В настоящее время один из двух родов, из которых состоят верхне-кумандинская волость, на р. Бии, около впадения в неё реки Лебеди, носит имя *со*, а другой — *кубанды* или *куманды*⁴. [5] Отсюда можно с достаточною вероятностью заключить, что легендарный праотец турков происходит из племени со, обитавшего на севере от Алтая, и что род со является маленьким остатком этого, вероятно, в доисторические времена не совсем малочисленного, племени. Далее, тюркское слово *ку* значит «лебедь». Живущие на р. Лебеди тюрки и теперь зовут себя *ку-кши*, т.е. «люди (р.) Лебеди»¹. [6] Из этого не трудно вывести, что китайские историки напрасно заставили сына Ичжини-нишиду превращаться в лебедя: он, — подобно остальным трём братьям, поселившимся в известных местностях и основавшим там царства (племена), — водворился на р. Ку (Лебеди) и был родоначальником племени ку, остатки

которого и поныне обитают на р. Лебеди и в волостях верхне и нижне-кумандинскихъ. Засим, Ki-ko есть одна из китайских транскрипций имени кыргыз,² [7] в которой выпущена буква р, отсутствующая в китайском языке³, [8] и опущена конечная согласная, как это китайцы весьма часто делали до времён манджурской династии; потом, река Апу есть вероятно Абакан, главное становище кыргызов, а река Гянь или Кянь есть несомненно Кем, т.е. сохраняющееся с древнейших времён туземное название реки Енисея. Река Чу-си должна быть р. Чу (у русских Чуя), приток Катуня, служащая и ныне местом кочевков чу'йских тюрков (*чу-кши*). Наконец, Басычу в переводе с тюркского может значить «верховья (реки) Чу»; так как *ши* по китайски «камень», то местность, где поселился старший сын, суть пастбища при «каменных (или скалистых) горах в верховьях реки Чу». В общем выходит, по географическим и этническим данным легенды, что турки-тукю (точнее по о. Иакинфу, «дулгаский дом», т.е. собственно ханский род) происходят от обитавшего на севере Алтая племени со и что, после переселения их в Алтай и размноженья, они разделились на четыре ветви: одна утвердилась на северном склоне Алтая, с именем ку (*бан* или *ман* означало, кажется, «земля», «страна», впоследствии же обратилось в приставку собирательного значения, как напр. и в имени туркман или туркмен), вторая ветвь основалась на Енисее и Абакане с именем *кыргыз*, третья осталась кочевать внутри Алтая на р. Чу, а четвёртая образовала племя, принявшее имя *турк*. Это последнее, сделавшееся во второй четверти VI века известным китайцам, завязавшим с ним политические сношения, в 536 г. подчинило себе гаогюйцев в числе 50 т. кибиток, положило затем конец владычеству жужаней и к 556 году овладело всею Монголиею и среднею Азиєю до Гиндукуша и Чёрного моря⁴. [9]

При всём интересе, представляемом рассматриваемою легендою, нельзя однако же не видеть, что она служит выражением только тех преданий, которые сохранялись у турков-тукю в VI веке относительно происхождения их самих и ближайших к ним по соседству тюркских племён, из которых

лишь некоторым предстояла историческая будущность. Отсутствие в легенде всяких сведений и даже упоминаний о таких древних и многочисленных тюркских племенах, как хунны, канглы, гаогюйцы, которые выступили на историческую сцену за многие века до появления тукю, делает рассматриваемое сказание только легендой о происхождении турков-тукю, а не всего народа тюркского и его главнейших племён. Возможно, конечно, что в легенде этой сказалось отдаленное и смутное воспоминание о прародине всех тюрков на севере Алтая, но ближайшим образом легенда выражает лишь предание о происхождении ханского рода или, скорее, господствующего поколения, которое объединило обитавшие на южных склонах Алтая разрозненные тюркские роды и дало их союзу и племени принятое или полученное им имя тюрк.

Это, приведённое с некоторыми подробностями, сказание не есть единственное и не самое древнее из преданий о происхождении тюрков. Раньше его на столетие, в V веке, записано китайцами сказание о гаогюйцах, по которому это тюркское племя происходит от волка и дочери одного из шаньюев (государей) хуннов¹. [10] Одновременно с вышеприведённой легендой VI века, китайцами же, сохранено предание, производящее турков-тукю от волчицы и десятилетнего мальчика, уцелевшего от истребленного врагами рода хуннов и брошенного с отрубленными руками и ногами: волчица питала его, пока враги не сведения о чудесном сохранении жизни юноши и не убили его; тогда волчица удалилась в окружённую со всех сторон непроходимыми горами долину (Алтая) и родила там десять сыновей, от которых произошли турки-тугю². [11] Все эти сказания, как и легенда о происхождении монголов от «небом рождённого бурого волка да сивой лани»³ [12] и тому подобные, не дают для определения происхождения народов и племён и их этнического состава ничего кроме смутных и загадочных намёков, представляя собою отголоски той отдаленной фазы эволюции человеческих обществ, когда первобытные роды боготворили разных животных, почитая себя их потомками. Немногим более богаты

годным этническим материалом те народные сказания, которые сохранены для нас мусульманскими писателями XIII и XIV веков и более поздними: Джувейни, Рашид-эддином, Абул-гази-багадур-ханом и т.д. До писателей этих не дошли уже древние народные предания о происхождении тюркских племён, имеющие исторические, этнические и социологические основы; они довольствуются наивной этимологией: уйгуры суть племена, которые были союзниками или последователями мифического Огуз-хана, ибо слово *уйгур* по тюркски должно значить «последователь», «соединившийся»; канглы происходят от тех воинов Огуза, которые завели телеги для возки добычи и запасов, ибо *канглы* по тюркски «телега»; карлыки пошли от людей Огуза, осыпанных снегом, так как *карлык* значит «снеговик», и т.д. ¹ [13] Чем более поздни письменные сказания о происхождении тюркских племен и чем большей они подвергались литературной обработке и влияниям, тем менее ценны они в качестве достоверного материала ². [14] Не лишены значения только незатейливые, простые, преимущественно устные, генеалогические сказания, встречающиеся у тех тюркских племён, которые сохранили ещё кочевой образ жизни и прочность родового быта, ибо, вследствие громадного значения родов в их быте, у них ещё твёрдо удерживаются воспоминания о степенях кровного родства или представляющихся им кровными связями и отношений между родами.

У турков-тукю в VIII веке уже не сохранилось в памяти той легенды, которую китайцы записали два века раньше. По крайней мере в памятнике Кюль-тегину, 732 года, история их начинается прямо с Тумын-хана. «Когда сверху утвердилось синее небо, а снизу — тёмная земля, появились между ними сыны человеческие. Между сыновьями человеческими возвысился чум-пам'ский Бумын-каган, знаменитый хан. Он установил роды (Stämme) и законы тюркского народа, и все направил» ¹. [15] Во главе подвигов Бумын-кагана поставлена тут организация родов. Хотя приведённый перевод пришлось изменить ², [16] но при патриархально-родовом быте тюрков-кочевников, роды и сочетания родов и их частей в родовые и племенные

союзы действительно имели преобладающее во всех отношениях значение. Сильный, многочисленный, дружный род имел бóльшую возможность занимать лучшие пастбища, оказывать своим членам верную и действительную защиту от внешних врагов, доставлять своим родоначальникам прочное политическое влияние в делах племени и государства и обеспечивать бóльшую долю добычи и даней, поступавших в пользу племени или государства. Хотя многочисленность рода давала ему силу, но хозяйственные условия пользования пастбищами и другие причины не позволяли роду сохранять неопределённое время свою целостность и вызвали рано или поздно разделение его на более или менее самостоятельные части. Вследствие этого в каждом роде существовали, с одной стороны, условия, требовавшие сохранения родового единства, с другой же — более или менее сильные стремления к разделению. Борьба этих противоположных течений обыкновенно усложнялась и усиливалась соперничеством между родоначальниками и выдающимися в роде людьми, из которых одни, желая сохранить всю силу рода, во главе которого стояли, защищали целостность рода, другие же, рассчитывая на главенство в отпадающих частях рода, домогались раздробления. Стремления к распадению часто брали верх, но обнаруживающиеся невыгоды слишком мелких и бессильных родовых единиц вызвали образование более крупных родовых союзов, составлявшихся иногда из частей разных родов и даже племён. Но такие союзы, в которых кровные связи были слабы, склонны были распадаться ещё с большею скоростью и лёгкостью. В.В. Радлов справедливо вывел из наблюдений своих над русскими и китайскими киргиз-казаками, — из которых последние пользовались почти независимостью, так как китайское правительство во внутренние их дела не вмешивалось, — что подвижность состава родов и племён есть «жизненная потребность кочевников» и что непрерывными изменениями в этом составе «поддерживается жизнеспособность всего народа». Невозможность образования новых родовых и племенных союзов у кочевников, потерявших независимость,

причиняет, по его мнению, «застой, подтачивающий их благосостояние»¹. [17]

История государств тюркских кочевников, сменявшихся в Монголии, показывает, что возникали они вследствие усиления одного из племён, во главе которого стояли храбрые, умные и счастливые в своих предприятиях родоначальники, успевшие подчинить своему влиянию роды своего племени и покорить остальные племена. Упрочения своей власти достигали они поставлением во главе родов и племён своих родственников или приверженцев, обязанных им своим возвышением. Падение тюркских государств происходило обыкновенно во время внутренних междоусобий в ханствующем доме, но всегда под преобладающим влиянием стремлений родов и племён к самостоятельности, когда их начальники объединили уже свои интересы с интересами родов. За падением господствовавшего племени наступал более или менее продолжительный период обособленности родовых союзов, пока не усиливалось одно из племён и не подчиняло своей власти остальные, основывая новое государство. Так возникли и пали в Монголии государства хуннов, турков-тукою и уйгуров. То же стремление родов и племён к самостоятельности играло преобладающую роль в распадении основанных монголами улусов джучиева и джагатаева и в политических бессилии и несостоятельности киргиз-казачьего союза, возникшего на их месте.

Таким образом роды не только пользовались всеобъемлющим значением в бытовой жизни тюркских кочевников, но играли весьма важную роль и в их политической истории. Естественно, что при таком значении родов, когда вся жизнь и судьбы кочевника определялись принадлежностью к роду, *родовые имена* должны были пользоваться необыкновенной прочностью. Роды могли входить в различные союзы, целиком и частями, но должны были твёрдо сохранять свои исконные имена. И в самом деле, как увидим, родовые имена, записанные многие века тому назад китайскими историками, — конечно вследствие политического значения носивших их родов, — сохраняются

частью и поныне. Это обстоятельство даёт возможность определить, в значительной мере, этнический состав тех из ныне существующих тюркских племён и народностей, которые сохранили кочевой образ жизни и родовой быт, а с ними и родовые имена. У тюрков, давно перешедших к осёдлости и утративших родовой быт, исчезли и родовые имена, так что для выяснения этнического состава этих оседлых тюрков остаётся пользоваться только теми данными о родовом их составе, какие сохранились для времени, предшествовавшего обращению их в осёдлое состояние.

Кроме родовых имён, другим указателем этнического состава тюрков-кочевников, также связанным с родовым бытом, могут служить родовые *тамги*, т.е. знаки родовой собственности, налагаемые преимущественно на скот, но встречающиеся также на других имуществах рода и его членов и употребляемые в виде гербов, печатей, взамен подписей и т.д. Древнейшее, кажется, упоминание о тамгах у тюрков (именно у гаогюйцев) относится к V веку: «На домашнем скоте вообще кладут метки, и хотя в поле пристанет к чужому, никто не возьмёт его»¹. [18] Но нельзя сомневаться, что родовые тамги у тюрков-скотоводов существовали в несравненно более отдалённые времена. Весьма вероятно, что родовые тамги были первоначально изображениями родовых богов или духов-покровителей и лишь впоследствии обратились в знаки родовой собственности, приняв для этого формы простейших геометрических фигур, как наиболее удобные для вырезывания или выжигания. По многочисленным наблюдениям, у восточно-финских племён, родовой быт которых давно уже начал рушиться, образование тамг для новых семей, отделяющихся от старой, совершается посредством добавления приставочных черт в тамге старой семьи. Это обстоятельство приводит к мысли, что таким же путём происходило образование тамг родовых отделений при первоначальных их ответвлениях. Если это верно, то существующие родовые тамги должны указывать — от каких родов нынешние родовые единицы происходят. Так в дулатовском отделе большой орды основная тамга (поколения дулат) есть круг . Круг же с одной

приставной чертой служит тамгою поколения адбан , и круг с двумя приставными чертами оказывается у поколения суван . Из дулатовских подразделений у рода ботпай тамга состоит из круга с тремя приставками или , а у рода сейкым из круга с четырьмя добавочными чертами . Из имеющихся, весьма ещё к сожалению не полных, сведений о тамгах у киргиз-казаков можно заключить, что тамгами служат у племени аргын два круга , у племени канглы одна прямая черта , у племени кипчак две прямые черты , у племени кирей две перекрещивающихся черты или , у племени конграт прямоугольник без одной из сторон , у племени найман острый угол из двух прямых черт . Роды названных племён имеют тамги из основной племенной тамги с различными в ней приставками или накладывают общеплеменную тамгу на особой для каждого рода части тела животных. Так как вследствие исторических обстоятельств многовековой жизни тюркских кочевников чистокровных племён и родов нет, и преобладают союзы разного происхождения, состоящие из частиц различных кровных родов, то в одном и том же роде, — не только племени, — встречаются теперь деления с различными тамгами, причём часто имя подразделения обнаруживает, что оно действительно происходит из того рода или племени, которому принадлежит основная тамга. Вследствие этого родовые тамги, — особенно когда они будут собраны и изучены у возможно большего числа тюркских племён и народностей, сохраняющих кочевой образ жизни и родовой быт, — могут служить весьма важными указателями этнического состава племён и родов ¹. [19]

Наблюдения над особенностями быта, наречий, физического типа, вообще этнографические, археологические, лингвистические и антропологические исследования конечно могут значительно способствовать изучению этнического состава различных народностей, но в отношении тюркских племён положение наших знаний по этим отраслям науки пока настолько зачаточное (хотя сделано уже не мало), что в настоящее время

этнография, археология, лингвистика и антропология не дают ещё достаточных указаний. Остаются таким образом главными пока указателями родовые имена и родовые тамги. Но сведения о тамгах скудны, одни же родовые имена нынешних тюркских племён и народностей сами по себе далеко недостаточны для определения их этнического состава уже потому, что одинаковые имена встречаются в разных племенах и родах. Чтобы определить их значение и взаимные отношения, необходимы исторические сведения о прошлом главных племён и родов. Только при помощи исторических сведений могут быть с достоверностью отличены основные, главные роды от позднейших, составных родовых союзов, а также выяснены иноплеменные и инородные примеси.

Сообразно всему этому, задача настоящего труда заключается в том, чтобы, пользуясь имеющимися данными о настоящем родовом составе и историческими сведениями по тому же предмету, выяснить племена и роды, а также иноплеменные примеси, из которых составились ныне существующие тюркские народности. Для сокращения объёма статьи ¹, [20] при изложении нынешнего родового состава будут указываемы только главные деления, из мелких же будут упоминаемы преимущественно лишь видимо имеющие этническое значение. С целью определения значения отдельных народностей и общей численности тюрков, я нашёл также полезным собрать статистические сведения из наиболее достоверных и новейших источников, так как встречающиеся в разных изданиях сведения отрывочны и не полны, а часто также не достоверны или слишком стары.

Прежде рассмотрения этнического состава отдельных тюркских народностей необходимо ознакомиться с историей тюркских племён, насколько она может дать общее освещение этому составу.

[1] ¹ Конечно при значительном внимании и догадливости и за исключением слов, заимствованных из других языков. Академик Бетлинг, — который, кажется, слишком преувеличивал значение особенностей якутского наречия, предлагая даже тюркский язык именовать семейством якутско-турецких языков, — весьма резко отвергал мнение известного учёного путешественника по северу Сибири Эрмана, утверждавшего что «якут, рождённый на берегах Лены или Алдана, без затруднения объяснится с жителем Константинополя» (Бетлинг «О языке якутов» в «Учёных записках И. Академии наук по 1 и 3 отделениям», т. I, вып. 4, 1853 г., стр. 415, 433 и 434). Однако, Миддендорф, немного ознакомившийся с якутским языком на северо-востоке Сибири в 1844 и 1845 гг. и доставивший г. Бетлингу часть материалов для его грамматики и словаря, чрез тридцать с лишком лет мог объясняться с тюрками средней Азии, в Фергане, при помощи скудных остатков забытых якутских слов: «Когда переводчик покидал меня, я в крайнем случае мог объясняться с моим кара-киргизом, если мне припоминались необходимые для того якутские слова» («Очерки ферганской долины» Спб., 1882 г., стр. 406). С другой стороны Вамбери (Das Türkenvolk, 1885, s. 466) заверяет, по личному опыту, что турок Анатолии, при некоторой внимательности, понимает тюрка Восточного Туркестана.

[2] ¹ О. Иакинф Бичурин, дав довольно правильно китайскую транскрипцию тугю, писал тем не менее имя это постоянно *дулга*, потому что, вместе со Шмидтом, считал тую за монголов и производил их имя от монгольского *дудулга*, шлем. Клапрот и Абель Ремюза неудачно сравнивали имя тую с *такия*, шапка, но оказалось, что есть вполне подходящее тюркское слово *терк*, значащее шлем (см. Клапрота Mémoires relatifs à l'Asie, Paris, 1826, t. 2, p.p. 382 et. 383, и Gabelentz в Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, 2 B., 1839, v. 72). По мнению Вамбери, «было бы вполне логично, если бы слово тюрк значило

человек или творение» (The Turco-Tatars в The Journal of the Manchester Geographical Society, 1892, vol. 8), но это пожелание не имеет этимологических оснований.

[3]² Documents historiques sur les Tou-kioüe (Turcs), extraits du Pien-i-tien et traduits du chinois, в Journal asiatique, t. III, 1861. p.p. 327 et 328.

[4]³ Монаха Иакинфа (Бнчурина) «Собрание сведений о народах, обитавших в средней Азии в древние времена», Спб., 1851 г., часть I, стр. 258 и 259.

[5]⁴ Aus Sibirien, von d-r Wilhelm Radloff, Leipzig, 1884, B. I, ss. 211, 212.

[6]¹ Там же, s. 212.

[7]² У Дегиня, напр., встречаем в китайских именах кыргызов Кі-ко, Кіе-ко (Histoire générale des Huns etc., Paris, 1756, t. I, partie 2, p. 379).

[8]³ Так вместо *ту-р-к* у китайцев вышло *ту-кю*: кю за неимением знака для одного звука *к* без гласной.

[9]⁴ «Собрание сведений» и пр., I, стр. 266-268.

Томашек, мимоходом коснувшийся рассматриваемой легенды (Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Classe, CXVII (280/281)

Band, Wien, 1889, s.s. 64 und 65), не довольствуясь превращением «старшего» (следует «второго») сына в Лебеда, заставляет его улетать «в широкую даль» к якутам, которые поклоняются Куба-хатун'и. Но поклонение Лебеди-царице ещё далеко недостаточно, чтобы приписывать якутам такую связь с древнейшей тюркской легендой, тем более, что о каком-либо полёте лебедя в сказании нет ни слова, ни намёка. Правильно затем угадав в Tschou-tche реку Чую, Томашек предполагает в имени «младшего» сына No-tou-lou-che тюркское *ондурчи*, но сыновей было всего четыре, а не четырнадцать, и Надулу-ше был старший, а не младший.

[10]¹ «Собрание сведений» и пр., I, 248 и 249.

[11]² Там же, 256 и 267.

[12]³ «Юань-чао-ми-ши» в «Трудах российской духовной миссии в Пекине», т. 4, Спб., 1866 года, стр. 23.

[13]¹ См. отрывки из одной уйгурской рукописи, из Рашид-эддина, Джувейни и Абул-гази, помещенные в исследовании В.В. Радлова «К вопросу об уйгурах» («Записки и. Академии наук», 1893 г., том 72, книжка I, приложение № 2).

[14]² Не лишённая интереса, но не совсем удачная попытка систематизировать эти сказания мусульманских писателей сделана майором H.G. Raverty в статье *On the Turks, Tatars and Mughals* (*Travaux de la troisième session du congrès international des orientalistes, t. 2, St. Peterbourg, 1879, p.p. 74-124*). Автор этой статьи ограничился кое-каким согласованием частицы из множества противоречий между версиями имевшихся им в виду писателей, но совсем не вошёл в критическое рассмотрение легендарных сказаний и сочинённых к ним прибавок и поправок, не задаваясь даже вопросом — насколько приведённые им в некоторую систему сказания соответствуют действительности.

[15]¹ W. Radloff — *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, St. Petesbourg, 1894, ss. 17, 22.*

[16]² Позднее В.В. Радлов придал части первоначального перевода такой вид (1895, S. 439): «Между сынами человеческими возвысился в качестве властителя мой предок Бумын-хан, знаменитый хан. *Er hielt die Stämme und Gesetze des Türkenvolks in Ordnung und verbesserte sie*». По проф. Томсену (*Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées, Helsingfors, 1896, p. 97*): *Au-dessus des fils des hommes s'élevèrent mes ancêtres Boumin kagan et Istémi kagan. Après être dovenus maîtres, ils gouvernèrent et fixèrent l'empire et les institutions de peuple turc.* Соответственно чтению г. Томсена: *киси оглында öзе ечюм апам бумын каган истеми каган*

олурмыш, олурыпан тюрк будынынг ылын төрюсин тута бирмис, ити бирмис — будет, кажется, ближайшим такой перевод: «Над сыновьями человеческими возвысились в качестве государей мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Возвысившись в качестве государей, они установили и упрочили самостоятельное (государственное) управление (илин) и обычаи (законы) тюркского народа». — «Иль» в этом и в других местах надписей, как и в титуле «иль-хан», который, по словам китайцев, принял Тумын, имеет значение самостоятельно управляющегося племени или государства живущих в родовом быте кочевников. Такие племена называются в надписях *иллиг*, напр. (р. 102): иллигиг илсиретмис, каганлыгыг кагансиратмис, т.е. обладавших самостоятельным управлением лишил его, обладавших каганами лишил их. Что касается Истеми-кагана, то в разных местах «Тан-шу» упоминается Шидяньми-хан (по чтению о. Иакинфа. I, стр. 354 и 361) в качестве родоначальника западно-тюркских ханов, откуда можно с вероятностью заключить, что этот Шидяньми (по Дегиню, *Histoire générale des Huns etc.*, Paris, 1756, tome I, partie 2, p. 463, ('he-tie-mi, брат Tou-muen-khan'a; по Visdelou, *Bibliothèque orientale d'Herbelot*, La Haye, 1779, t. IV, p. 109. Che-tie-mii или So-ti-mii был вторым сыном Тумын-хана) был братом основателя могущества тюрков и что этому Шидяньми, Сетими или Истеми надписи и его потомству досталась в удел западная половина владений турков-тукю, тогда как восточная составила наследство потомства Тумын-хана.

[17]¹ «К вопросу об уйгурах», стр. 72.

[18]¹ «Собрание сведений» и пр., I, стр. 260.

[19]¹ Довольно подробные сведения о родовых тамгах и относящейся к ним литературе помещены в моём «Опыте выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и кара-киргизов» и пр. («Живая старина», вып. III и IV за 1894 год). В дополнение, пользуюсь случаем упомянуть, что в изданных в 1822 г. в Казани на

татарском языке Хальфиным (кажется тогдашний преподаватель татарского языка в казанском университете) сказаниях «Жизнь Джонгиз-хана и Авсак-Тимура» говорится, что Дженгиз-хан дал каждому из беков своих тамгу, птицу, дерево и клич. Обратился он, напр., к Кункрат-бий-оглу Сенкелэ: «Эй, Сенкелэ, пусть твоё дерево будет яблоня, пусть птица твоя будет сокол, твой клич — Кункрат, а тамга твоя пусть будет месяц». Приводя это, В.Д. Смирнов («Крымское ханство под верховенством Отоманской порты до начала XVIII века», Спб., 1887 г., стр. 193-199) заметил, что тамга месяц «изображается в виде круга (полукруга?), на деньгах же в виде трёхзубчатого новолуния, т.е. близко к русской букве Э. Последнее изображение сильно напоминает тамгу герайскую (крымских ханов), но ещё больше на неё похожа тамга Уйшин-Майкья-бия, которому Чингиз-хан сказал: Пусть твое дерево будет вяз, твоя птица — орёл, твой клич — Салават, а тамга твоя *срка*». Изображение последней, по словам того же учёного, напоминает славянское Ш или Ш, название же тамги надо читать *сурку*, что значит *борона* и подходит к изображению тамги. — С своей стороны замечу, что в «Описании средней орды» капитана Андреева 1785 г. (рукопись геогр. общества) тамга Кункрат-бия изображена в виде круга, но тамга Майкибая на борону несколько не походит. По мнению В.Д. Смирнова, тамга ханов золотой орды или кипчакских походила формою на стремя, как видно это на монетах, в трезубец же обратили её на монетах крымских ханов генуэзские чеканщики, подобно тому, как превратили они всадника прежних татарских монет в св. Георгия. Но из приведённых Г.Н. Потаниным, по Френу, девяти джучидских монетных тамг («Очерки с.-з. Монголии», вып. 4, Спб., 1883 г., табл. I), друг от друга отличных, ни одна на стремя не походит; что же касается тарак-тамги крымских ханов, то это общая всем чингизидам (в настоящее время всем киргиз-казачьим султанам, как можно видеть у Г.Н. Потанина на табл. XXVI при 2 вып. «Очерков», у П. Бфименки в

«Журнале мин. нар. просвещения», 1874 года, № 12, и у многих других авторов) тамга, которою пользуются также дружинники прежних ханов и султанов (тюленгуты) и род джалаир, состоявший некогда в рабстве у рода Чингиз-хана.

Замечу кстати, что Hammer-Purgstall, упоминая в своей *Geschichte der Goldenen Horde* (1840, s. 218) о птицах, деревьях, тамгах и уранах, которые даны будто бы разным родам по упомянутой казанской «Жизни Чингиз-хана и Аксак-Тимура», называл эти сказания баснословными и мало заслуживающими доверия. Это упоминание Гаммера повторил в своей книге *Die Rechtsverhältnisse bei verschiedenen Völkern* (Berlin, 1872, s. 164) профессор Bastian, опустив отзыв Гаммера об источнике и поместив вслед за цитатою из Гаммера не имеющее никакого отношения к тюркам и монголам сведение из совершенно другого источника о родах в долине Гларуса (в Швейцарии). Вследствие пропуска при цитировании Бастиана нескольких строк, в прекрасном исследовании П. Ефименки «Юридические знаки» («Журнал мин. нар. просвещения», 1874 года, № 11, стр. 164) получилось, что у монголов во время Чингиз-хана было «12 родов, имевших свои особые гербы или тамги, которыми служили птицы и (287/288) деревья. Когда один из этих родов, родственных по гербам, отходил, то герб его удерживался, а он заменялся одним из 34 родов (свободных Божьих людей), которые были поселены в долине Гларуса».

Ещё в 1855 г. академик Шифнер («Учёные записки и. Академии Наук по 1 и 3 отделениям», том 3, вып. 5, 1855 год, стр. 606) указывал желательность отыскивания и собирания родовых, домовых, фамильных и т.д. знаков собственности, утверждая, что изучение их «может повести к интересным результатам. Тогда окажется, что в употреблении таких знаков менее имело место произвольное изобретение, чем подражание и заимствование». Он предполагал сосредоточивать собирание знаков собственности в сибирском и

кавказском отделах географического общества и в других учёных обществах. К сожалению напечатанные в мало распространённом учёном издании мысли Шифнера остались неизвестными большинству местных любителей этнографии. Он впрочем не мог указать определённо применения рекомендуемого собрания, но теперь стало очевидным этническое значение тамг и других знаков собственности, а потому можно надеяться, что собрание знаков собственности привлечёт к себе внимание местных этнографов, особенно в степных окраинах.

[20] ¹ По той же причине я должен отказаться, за немногими исключениями, от изложения и обсуждения взглядов разных учёных по предметам настоящего исследования, между прочим и относительно значения родовых и племенных имён и делений и о самом этническом составе тюркских племён и народностей. Ограничусь по последнему предмету самым необходимым. Уже Дегинь, который первый пользовался для истории тюрков не только западными и мусульманскими, но и китайскими известиями, делал попытки выяснять происхождение тюркских народов при помощи родовых имен у современных тюркских народностей (*Mémoires... de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, t. 98, Paris, 1759, p.p. 93, 103 etc.). D'Ohsson в *Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-khan jusqu'à Timur-beg*, 1834 г., а также Hammer-Purgstall в *Geschichte der Goldenen Horde*, 1840 г., и Henry Howorth в *History of the Mongols from the 9th to the 19th Century*, 1876-1888 г.г., тщательно приводили по своим источникам родовые имена и племенные деления и старались определять этнические отношения тюркских племён, так как труды их излагали главным образом историю тюркских народов под владычеством монгольских династий. Howorth, как в упомянутом труде, так в особенности в некоторых из этюдов, изданных им под общим заглавием *The Northern Frontagers of China* (*The Journal of the R. Asiatic Society* разных лет с 1875 г.), выяснил тюркское происхождение некоторых народностей и племён, считавшихся

обыкновенно монгольскими, при помощи между прочим сведений о современном племенном и родовом их составе. Общие результаты трудов названных и других историков, правда, не велики, но главные препятствия успехам науки в данной области начинают с течением времени устраняться: я разумею скудость сведений о современном племенном и родовом составе сохраняющих родовой быт или значительные его остатки тюркских народностей и малодоступность и неразработанность китайских исторических известий о древних тюркских народах и племенах. В весьма ценном своём труде *Das Türkenvolk in seinen ethnologiechen und ethnographischen Beziehungen*, 1885 г., Вамбери собрал много сведений о современном племенном и родовом составе тюркских народностей,— преимущественно по русским источникам, пользование которыми весьма затруднительно для западно-европейских учёных, по малораспространённости знания русского языка — но не мог надлежащим образом их утилизировать, преимущественно по игнорированию древнейших исторических известий о тюркских народах и племенах, содержащихся в китайской истории, ибо с самого начала своей учёной деятельности он уклоняется от изучения китайских источников, ошибочно считал их «тёмными» и «не совсем надёжными» (*Das Türkenvolk*, s.s. 258, 260); он ссылается также на неустойчивость родовых имён, меняющихся с образованием новых делений и распадением старых (s. 181), но упускает из виду, что меняются собственно имена родовых союзов с распадением их и образованием новых, имена же костей и главных родов, или в иных случаях племён, напротив отличаются изумительной, многовековой прочностью, связанною с господством родового быта. В.В. Радлов, при изучении тюркских наречий, лично собрал драгоценные сведения о родах и костях у саянских и алтайских тюркских народцев, у каракиргизов и отчасти киргиз-казаков, а также и у других тюркских народностей Сибири, средней Азии и восточной России (*Aus Sibirien*,

Leipzig 1834 года, два тома); но эти сведения остаются большею частью сырым материалом, так как громадные лингвистические и обширные этнографические и археологические исследования этого учёного не позволили уделить достаточного времени для исторических изучений в необходимой обширности, подробности и глубине. Таким образом, хотя выяснение этнического состава тюркских народностей, при помощи между прочим современного их племенного и родового состава и исторических известий, остаётся задачею будущего, тем не менее важность этой задачи и необходимость её разрешения признавалась всеми учёными исследователями истории и этнографии тюрков. Можно поэтому оставить без особого опровержения следующие строки недавно вышедшей книги, прекрасная рецензия на которую помещена В.В. Бартольдом в «Журнале мин. нар. просвещения», 1896 года, июнь: *Tout ce que nous pouvons dé mêler d'éléments ethniques dans ces associations d'hommes sont des généalogies de tribus, or, chez tontes autrefois, chez beaucoup encore aujourd'hui, les mêmes noms de tribus et de clans se retrouvent parmi les nations différentes, comme par exemple, parmi les Euzbegs, les Kirghizes et les Mongols actuels. La question de race, dans l'histoire des peuples dits turcs, tatares, mongols etc., est oiseuse; elle ne répond à rien. Ce sont des nations vivantes qui ont bouleversé, puis reconstruit l'Asie depuis le V-e siècle; elles étaient mortes avant se decomposer on tribus et en clans qui finissent en s'émiettant chaque jour* (Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols, des origines à 1405, par Léon Cahun, Paris, 1896, p. 40).